

Эренбурга в новую, советскую действительность. В том же духе высказывается поэт-эссеист Шандор Корвин в третьем номере журнала „Korunk“ за 1936 год.

Как явствует из вышесказанного, статьи и рецензии, опубликованные в нашей прессе между двумя мировыми войнами, в плане идейной оценки творчества Эренбурга нередко перекликаются с некоторыми оценками советской критики 20-х годов. Это объясняется, как нам думается, определенным сходством идейно-политических стремлений, революционно-романтическим настроением советской и левой или откровенно коммунистической румынской критики, а ни в коем случае не заимствованием у советских литераторов, доступ к которым у нас практически был закрыт.

На страницах румынской печати межвоенных лет встречаем подчас даже удивляющие нас сегодня своей меткостью, емкостью замечания о специфике таланта и психологии творчества Эренбурга.

В противовес большинству советских критиков 20-х годов, недооценивающих повесть *В Проточном переулке*, критик „Korunk“, подписавшийся А. Е., делает тонкое наблюдение, которое, как нам представляется, вносит ясность в один долго и много дебатировавшийся аспект творческой манеры Эренбурга: «Эренбург втайне всегда был очень чувствителен. В первых своих сочинениях — чрезвычайно завуалированно. В них нежность любящего сердца прикрыта романтической иронией и нарочитым цинизмом»¹.

Исключительно интересны мысли тонкого знатока психологии творчества, проницательного ценителя поэтических дарований С. Иосифеску: «Эренбург по духовной филиации восходит к Вольтеру и Анатолу Франсу. Его творчество являет собой великолепный пример гармонического сочетания нервного и взволнованного революционного романтизма с классической уравновешенностью и ясностью. Одаренный острым умом и в силу своего синтетического психического склада равно враждебный преувеличениям и рабской рутине, он был среди советских писателей тем, кому дано проложить путь новой литературы»².

Отдельные положения С. Иосифеску перекликались или же нашли особое развитие в «ювелирных» комментариях З. Фабри, П. Зарифопола, Г. Дину и других.

В их рецензиях упор делается на блеск игривого интеллекта писателя³, на счастливое слияние проницательного ума с «божьем даром» лепки образа.

В критике 1929-1937 годов нет недостатка и в тончайших характеристиках публицистического стиля Эренбурга. В размышлениях о *Визе времени* и *Рождении автомобиля* находим у П. Зарифопола такие, например, весьма емкие строки: «Эренбург восхитительно тороплив. В этой торопливости — безостановочная игра мыслей, образов, впечатлений, великолепная своей необычностью возбужденность, путаница, иногда притворная, иногда действ-

¹ А. Е., *A Moskva folyó utcája (В Проточном переулке)*, „Korunk“, nr. 2, 1929, стр. 155.

² *Цит. статья*, стр. 119.

³ Не случайно Ал. Октавиан озаглавил свою рецензию *De la Heinrich Heine la Puya Ehrenburg (От Генриха Гейне до Ильи Эренбурга)*, „Şantier“, II, nr. 7, 1934. Эту сторону таланта писателя имел в виду и Сэтяну, когда писал: «Писатели-юмористы . . . , как известно, гениальный Эренбург и М. Зоценко . . .» (*Цит. статья*).